

Аухи Мануэ

Чу же ачки

Имена. Зарубежная проза

Лихи Лapid

Чужачки

«Азбука»

2021

УДК 821.411.16-34
ББК 84(5-Изр)-44

Лапид Л.

Чужачки / Л. Лапид — «Азбука», 2021 — (Имена. Зарубежная проза)

ISBN 978-5-389-33165-5

Юная Нина просыпается в подъезде, ее платье разорвано, лицо болит от синяков. Не сразу, но она вспоминает: мужчина, которого она любила, оказался преступником и негодяем. И ей ни в коем случае нельзя попадаться ему на глаза. Нина не может вернуться домой: это опасно, да и они с мамой страшно поссорились в их последнюю встречу. И что же ей теперь делать? В том же подъезде живет пожилая Кармела, последняя местная представительница некогда большой семьи, младший отпрыск которой вот уже несколько лет живет в Америке. Больше всего на свете Кармела скучает по своему сыну и внучке, которых иногда с трудом вспоминает из-за деменции... Поэтому, когда Кармела принимает Нину за любимую внучку, это меняет жизни сразу нескольких семей. Полная бытовой трагедии и психологизма, эта история – обо всех ипостасях женщины в современном мире, о каждодневных препятствиях и о том, как настоящая поддержка помогает преодолеть всё.

УДК 821.411.16-34
ББК 84(5-Изр)-44

ISBN 978-5-389-33165-5

© Лапид Л., 2021
© Азбука, 2021

Содержание

1	8
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лихи Лapid Чужачки

Lih Lapid
ON HER OWN

Published by arrangement with HarperVia, an imprint of HarperCollins Publishers.

© Галина Сегаль, перевод на русский язык, 2026

© 2021 by Lih Lapid

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА»®, 2026

* * *

Лихи Лapid

Моей сестре Элизь.

Спасибо, что ты всегда рядом

1

Ее будит шорох шагов. Она понятия не имеет, где находится, но знает, что шевелиться не стоит. Все чувства обострены. Запах незнакомый. Она осторожно приоткрывает один глаз и видит, как по ступенькам к ней спускаются мягкие красные тапки, над которыми нависает ночная рубашка. Она беззвучно сворачивается в углу калачиком и пытается вспомнить, как оказалась на этой лестнице. Ее яркое мини-платье колется, и она осознает, что сидит без трусов, а потому крепко сжимает ноги. Ей неведомо, сколько часов она тут торчит. Пытается открыть глаза, но свет флуоресцентных ламп на площадке жжет и слепит. Она снова их закрывает. Хочется спать, спать бесконечно, положив голову на ступеньку. Исчезнуть. Но это ни к чему не приведет. И тут она вспоминает: место – вот что ей нужно. Место, где можно на какое-то время укрыться.

Он не верил, что она может такое выкинуть. «Ты без меня не сможешь. На четвереньках обратно приползешь!» – сказал он громко и пошел гоготать в лад со своими друзьями и соскребать с нее последние крохи достоинства, пока она умоляла: «Но ты ведь обещал!» А он просто пересел на переднее сиденье, врубил музыку на полную громкость и закурил сигарету, пока те – рядом с ней – лапали ее. «Я тебе верила», – изможденно шептала она, хоть и знала, что он не слышит, и снова умоляла: «Хватит, перестаньте...» А он убавил гремящую музыку и велел ей не оскорблять его друзей. «Чем они тебе не угодили? Весь вечер на руках тебя, что ли, не таскали?» И расхохотался. И тут же, обозлясь, закричал: «Да что ты из себя строишь?»

Хмырь, от которого несло лосьоном после бритья, тот, что все пожирал ее глазами, сказал: «Не бери в голову, Шмуэли, все в норме, у меня бывали сучки и покруче», – расстегнул ширинку и начал нагибать ее голову вниз, пока другой мужик стягивал с нее трусики. Она попыталась сопротивляться, но он их порвал.

Они остановились на светофоре. Она почувствовала, что ее вот-вот вырвет.

Свет на лестничной клетке погас.

– Кто здесь? – Она слышит, как та женщина, прошаркав вниз в своих красных тапках, говорит старушечьим голосом – тем самым, в котором слышатся годы воспоминаний. Через минуту свет снова зажигается, и она пользуется этим моментом, чтобы открыть глаза и оценить опасность. Она прислушивается к тому, как старушка шаркает к выключателю, и пытается задержать дыхание. Ей нужно еще немного времени, решить, что делать дальше, понять, где она и куда ей бежать. Мысли так и кипят в голове. Вернуться она не может, несмотря ни на что. Да и некуда. Не к нему – это точно, да и домой тоже нельзя.

– Здесь есть кто-нибудь? – снова спрашивает старушка, включая свет, и он слепит Нину, заставляя ее заслонить рукой глаза, так что ей не видно ничего, кроме потрепанных красных тапок этой неугомонной старушенции, которой пора бы уже вернуться в квартиру, к себе в постель.

Она шарит рукой в поисках своей сумочки или телефона и понимает, что, убегая, ничего не взяла. «Идиотка», – шипит она на себя. Глаза начинают привыкать к свету, она делает глубокий вдох и напрягается всем телом. Нина выскочит на улицу, куда – неважно. Только бы эта липучка-старушенция уже исчезла и дала ей подумать и решить, что делать дальше.

А больше всего ее бесит, что мама-то оказалась права. Блин!

Свет снова погас.

Первые лучи солнца разбиваются о стеклянную дверь дома, окрашивают желтым цветом силуэт этой женщины. Теперь уже ясно, что старушенция ее видит.

Она пытается придумать, что ей сказать, когда старушенция вдруг радостно восклицает: – Дана! Что ты здесь делаешь?! Зайнька моя!

Нина старается спрятаться от солнечных лучей, но ей ясно: все, она по уши влипла, тут уже не только старушенция, но еще и какая-то Дана, которая вот-вот появится. И она зыркает по сторонам, пытаясь сообразить, откуда взяться этой Дане. Она обязана смыться, пока до старушенции не дошло, что никакая она не Дана и нужно вызвать полицию... Вот тогда ей точно конец.

Но прежде, чем она успевает шевельнуться и сообразить, что происходит, старушенция подходит к ней и обнимает.

– Дана! – радостно бормочет она, а потом отстраняется, чтобы повнимательнее взглянуться в лицо Нины.

– Дана... Даночка моя! – говорит она. – Ты здесь. Ты ко мне вернулась!

Нина опускает голову, пытается спрятать лицо в растрепанных волосах. «Только бы эта старушенция снова не включила свет», – молит она в душе, у нее раскалывается голова.

– Тебе хана! – проорал Шмуэли ей в спину. – Решила справиться тут без меня? Скоро узнаешь, что тут к чему. И кому ты позвонишь, а? Кто тебя выручит? погоди, ты еще умолять будешь... – Больше она ничего не слышала. Нина не знает, что болит сильнее – сердце или скула, по которой он ударил, когда она сказала, что не хочет сидеть с ними сзади, а он ответил, что ей не понять, насколько это неуважительно по отношению к его друзьям. Она не раз видела, как дают пощечину, – и в кино, и в жизни. Некоторые ее подруги не раз получали по лицу от матери или отца. Нина просто не знала, что это так больно. Скоро, когда она посмотрится в зеркало, то увидит у себя на лбу черно-синюю отметину и даже не вспомнит, как ее получила, ударил ли ее кто или, может, сама ударилась головой об косяк двери, пытаясь сбежать. Она проклинаят тот день, когда встретила с ним. Тот день, который до сих пор считала самым счастливым в жизни.

Нина всегда знала, что у нее есть красота. Она росла с этим знанием. Это как у других есть одеяло, или мячик, или папа. Став подростком, она начала замечать свои недостатки и решила, что все остальные девчонки куда как ее совершеннее – удачливее, или красивее, или хитрее, или волосы у них всегда идеально лежат, или грудь побольше (у нее-то она маленькая). Но со временем она не могла не почувствовать, что происходит с людьми, когда они на нее смотрят. Зрелые женщины – те самые, что в детстве обнимали Нину, трепали за щеку или совали конфетку, трижды сплевывая от сглаза: тьфу-тьфу-тьфу, – больше не прикасались к ней и даже не подходили близко. Тепло взглядов и улыбок тоже исчезло. И чем дальше отходили эти зрелые женщины, тем ближе подступали ее соученицы, те, что пытались уловить, понять, прикоснувшись, украсть частичку этого шарма, от которого дух захватывает. Следом за ними стали клеиться мальчишки, будто она медом намазана, а потом начали увиваться и ребята постарше, сперва с гордо выпяченной грудью, потом на мотоциклах, а затем стали пялиться и мужики, выходящие из машин, до блеска отполированных за несколько центов каким-нибудь мальчишкой. Иные пробовали привлечь ее внимание. А другие пытались поймать ее в свои блестящие, жужжащие сети, связать веревками и на мгновение получить ощущение, что им дано этим дивом воспользоваться. И Нина видела, как они напрягаются от этих своих усилий.

А были и мужчины, которые лишь рассматривали ее и не пытались заполучить или с ней сблизиться, зная, что шансов нет. Точно как сама она любовалась на дорогие бренды в витринах торгового центра. Эти мужчины смотрели на нее, понимая, что она не про их честь. Им это не светит. Мужчины, которые уже получили довольно ударов судьбы и знают свое место в жизни, те, что ходят по торговому центру за женой, придерживая ее сумочку. Те, что на нее только любуются и вспоминают юность и чувствуют, что упустили девушку, которой так и не осмелились признаться в своих чувствах. Именно эти мужчины видели то, что Нина так усердно старалась скрыть, – ребенка в ней. Их взгляды, словно осторожные руки, счищали с нее колючки, обнажая уязвимость, от которой она хотела убежать. Те мужские глаза, которые

побуждали ее мать сказать то, что для Нины так ненавистно: «Он хороший человек». «Да кому он нужен, этот хороший человек?» – спрашивала она, смеясь про себя, а то и вслух, когда они сидели за столом из зеленоватого пластика в узкой кухоньке, где можно уместиться лишь вдвоем.

И ее мать отвечала: «Мне».

«Хороший человек, да нафиг он нужен, мама, ты просто ничего не понимаешь», – сказала она ей. Что нужно, так это человек сильный. Человек, обладающий властью. И не сказала, как мечтает о появлении такого человека, который вытащит ее отсюда, посадит в машину и увезет в другие края. Нет, хорошим человеком он не будет. На этот счет у нее иллюзий нет. Но Нина была умна, знала кое-что об этом мире и думала, что сможет воспользоваться им не меньше, чем он пользуется ею. Воспользоваться им, чтобы улететь далеко-далеко. И вот он явился. И ей нужно лишь иногда к нему прикоснуться, а это терпимо. Шмуэли, которого приятели звали Джонни, так на нее запал, что все сложилось прекрасно. И она тоже слегка взволновалась, почувствовала, что сильна, что у нее над ним власть. Как сильно он пристрастился к ее рукам. К ее прикосновению. Шмуэли прилетал за ней к школе. Он заезжал за ней утром, лишь бы провести с ней эти пять минут. Вечером он оставлял Офру смотреть новости, а сам подсакивал и просил: «Ну спустись на минутку к машине». Сначала ему многого и не требовалось. Только ее рука, иногда слегка губы. Потом он начал запускать руки под одежду, и это длилось подольше. Из-за этого он захотел забрать ее на целую ночь.

Мама сидела напротив нее. Она водила по пластиковому столу своими шершавыми ладонями, снова и снова смахивая невидимые крошки. Потом подняла руку к голове, вынула заколки, и ее густые, некогда пшеничные волосы мягко рассыпались по плечам. И тогда Нина впервые увидела, сколько в них просквозило седины, как потускнел их прежний блеск.

Их уже было пора помыть. Обе они это знали.

– Это плохая идея, – в отчаянии сказала Ирена, пытаясь остановить поезд, который давно ушел.

Когда Ирена была в Нинином возрасте, ей тоже казалось, что она знает лучше. Лучше всех. А в итоге оказалась дурехой. Сейчас она здесь, одна с дочкой, которая думает, что знает лучше, и не понимает, что это не так. Ей только что исполнилось восемнадцать. Умна, не поспоришь, но не настолько, как сама себе кажется. И сколько можно не замечать – на ней ведь будто выбито слово «беда». Огромный, яркий предупредительный знак, вписанный прямо в ее красоту. Потому что Нина гораздо красивее, чем сама она была в ее возрасте.

Она была симпатичная дурочка. А ее Нина красивее. Слишком красива.

Нина боролась с этим годами. В детстве она изо всех сил старалась показать людям не только это, пыталась это скрыть, прятала лицо за волосами.

– Дай на тебя посмотреть! – сказал Шмуэли, обхватив ее лицо после того, как убрал с него волосы, и придвинулся близко. Слишком близко.

– Ты обещал не трогать, – сказала она.

– Верно, – ответил он, – и свои обещания я всегда выполняю, так что трогать не буду, но, может, ты сама... – и притянул ее руку к своему паху. – Конечно, только если сама захочешь, – и расхохотался. – Но ты не обязана.

Но в конце концов оказалось, что обязана. Не в тот самый день, но два дня спустя, когда уже почти рассвело, а Нина безумно устала и знала, что утром у нее экзамен, и хотелось вернуться домой, чтобы принять душ. И она протянула руку и дотронулась до этого места в его брюках, и он сжал ее руку своими руками, со всей силы, и в ее ухе зазвучало его дыхание, одышка и стоны, и ей не захотелось видеть, как исказилось его лицо. И Шмуэли сказал ей, что теперь вот он из-за нее такой грязный.

Что для следующего раза у него есть идея получше. Которая сохранит его чистым.

– Ты не понимаешь, ты просто не понимаешь! – сердито крикнула ей мама, когда Шоши в детском саду сказала ей, с кем ее дочка связалась. – Ты еще ребенок. Какие у тебя могут быть дела с таким типом?

– Он меня любит.

– Уж прямо-таки любит? Может, хочет тебя, но не любит.

– Он меня любит.

– А ты его любишь?

– Он меня любит.

– Я не об этом тебя спросила.

– Я – да. Я – да.

– Ты – нет. Да и он тебя не любит. Ты для него никто. Он просто тебя использует. Он тебя выбросит, выбросит как старую тряпку. Зачем тебе это нужно? Ты представляешь, какая у тебя будет репутация?

– Ты не понимаешь! – крикнула Нина, сжимая материнские пальцы, заставляя ее взглянуть на свои натруженные руки с короткими ногтями и облупившимся лаком, который она нанесла в честь бар-мицвы, устроенной соседкой Михаль для младшего сына. – Я не стану такой, как ты! Я не буду портить свою жизнь, свое тело, свои руки только ради того, чтобы заплатить по счетам в этой дыре. Про это забудь. Я не буду такой, как ты. Я уеду отсюда!

– Ты мне не хами! – повысила голос Ирена, и от злости все звуки взорвались тем акцентом, от которого ей не удавалось избавиться, который не смягчился с годами. И потом прошипела по-русски: «Сука, сволочь, шалава...»

И Нина замолчала. Ей хотелось заорать, но она поняла, что зашла слишком далеко. «Я ей докажу, – сказала она себе, – я ей еще докажу».

Последовало долгое молчание, а затем Ирена встала и вышла из комнаты, как всегда высокая и гордая, только плечи выдают усталость. Восемнадцать лет она в одиночку тянет этот воз и вот впервые почувствовала, что у нее больше нет сил. Ей хотелось, чтобы хоть раз кто-то и о ней позаботился. Она вспоминает тот свой день рождения, когда Нине было пять лет, – как она пришла с работы, а дом полон сердечек, свечей, цветов, которые Нина собрала, нарезала и расставила в ее честь. И как они сидели вместе, она, бабушка и Ниночка, и как она подула на свечки и разом погасила.

– Что ты загадала? – спросила ее Нина.

– Нельзя рассказывать, иначе не сбудется, – ответила она, хотя ей так хотелось разделить с ней свою радость. Сказать ей, что там, на этой крошечной кухоньке, есть все, о чем она мечтала. Наконец-то они вместе, вдвоем, и больше им никто не нужен. А потом бабушки не стало, и как тяжело было без нее, как Нина старалась восполнить ее отсутствие. Постепенно прошли годы и все наладилось, и ей больше ничего было не нужно. Им вдвоем хорошо. Отлично. И она знала, что Нина вот-вот вырастет, но не думала, что это произойдет так быстро. Месяц назад она вложила немного денег в небольшой накопительный фонд для студентов, чтобы у ее маленькой Нины, у ее красавицы-дочки, было то, чего у нее самой никогда не было. Для себя она ничего не хотела, только чтобы малышка ее взлетела как можно выше. Но не такой ценой. Не с мужиком, который похитит ее и причинит вред.

Ирена идет в душ, умывается, смотрит на себя в зеркало и вспоминает, как и она, подобно Нине, считала себя умной и тоже думала, что сумеет обвести этих мужиков вокруг пальца. И правда ведь обвела. Как же он ее любил! Но это угасло так быстро, а она со своим животом была уже не столь красива и не столь счастлива. И в конце концов очутилась где-то посреди знойной пустыни, на втором этаже, одна с малышкой. Без языка, без профессии, с мешком обещаний, которые он передал следующей жене. А она и по сей день расплачивается за это

своим одиночеством. Потому что красота в какой-то момент тебя предает, увядает, потихоньку меркнет, и взгляды мужчин уже не сопровождают тебя, а взгляды женщин не задерживаются на тебе на лишнюю секунду, чтобы пробежаться по твоему лицу и телу. Битва проиграна, и ее итог предсказан. Иногда скачущая галопом лошадь может притормозить на одном из поворотов, и на мгновение тебе покажется, что ты победила, и ты поверишь, что она вот-вот остановится, но нет. А красота все устает, разрушается и в конце концов гибнет под тяжестью прожитых лет.

Что же касается красивых женщин, то на них годы наваливаются с еще большей жесткостью.

Она впервые работает на одном месте, не бежит из дома в дом, чтобы набрать побольше часов, не борется с измождением ради заработка. Ради поставленной цели. Скоро год, как она начала здесь работать. И кстати, ей нравится. Наконец-то она не одна, а среди людей. Женщин. И хотя сама мысль о работе среди женщин пугала ее – в молодости она с коллегами не ладила: сплетни, тесные кружки, зависть, вечные разборки, – теперь все было иначе. У них больше не было причин ей завидовать. «Грустная правда», – думала она. С годами она привыкла убирать квартиры в одиночку, после четырех часов работы в одном месте переходить на пять часов в другое, и большую часть времени никто ее не видел. Тело болело, но ей нравилось быть самой по себе и что никто не вмешивается. Но сейчас Ирена обнаружила, как на самом деле приятно, что ее видят, замечают ее усердие и старания. И как бы она ни вкальвала, это все равно легче, чем выбивать тяжелые ковры из гостиной и передвигать кровати, потому что хозяйка дома непременно под них заглядывает. С первой минуты на новой работе она решила со всеми ладить, не вмешиваться в склоки помощниц с воспитательницами и в разборки между воспитательницами и руководством. Ей-то что. Она отвечает за приготовление еды и уборку. Ирена до сих пор удивляется тому, как сильно ей сейчас нравятся вещи, которые когда-то ее отталкивали, – ответственность и работа в коллективе. У нее ставка с отпускными днями и каникулами в праздники и еще всякими бонусами – она и не думала, что у нее будут блага в виде расчетного листа, отпуска по болезни и ежемесячных пенсионных накоплений, при том что не нужно гробить здоровье ради лишнего шекеля. Сейчас ей хочется только попасть в штат постоянных сотрудников. Только этого, и тогда она и правда обретет душевный покой. Потихоньку-полегоньку она берет на себя все больше ответственности, расширяет свои обязанности, и вроде никто в детском саду уже и не помнит, как тут было без нее.

– Ты кладешь конструктор «Лего» в посудомоечную машину? – удивленно спросила менеджер Шоши.

– Если детальки перемазаны кетчупом и вермишелью, тогда да.

Шоши рассмеялась, сказала, что это гениально и сама бы она не додумалась. Ирене так нравится быть с детьми. Они рады с ней находиться, рады ее приходу, и их присутствие пробуждает в душе такую нежность, о которой она и не подозревала. Присутствие детей придает ей уверенности, ей не нужно беспокоиться о том, что они подумают или скажут, не нужно защищаться от этих малышей, которые еще не успели испортиться, мягкие и сладкие, как плоды кактуса, не обросшие пока шипами. И она наслаждается их любовью. Любовь маленького мальчика, который бежит к ней в слезах, маленькой девочки, которая просит собрать ей волосы. А какими золотками они были вчера, когда в поисках квасного перед Песахом проверяли каждый уголок детского сада, используя при этом традиционные перья и свечи. «Помогаем Ирене сделать садик кошерным на Песах», – так они это называли.

Она сидит на остановке и ждет автобуса. Завтра канун седера¹, и она возвращается домой от Хавивы.

---

¹ Седер Песах – ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах.

– Пожалуйста, помоги мне подготовиться к празднику, – попросила Хавива. – Как я без тебя?

Ирена столько лет помогала ей подготовить седер, и каждый год Хавива пыталась уговорить ее посидеть с ними, но Ирена всегда отказывалась. Сколько бы денег она ей ни предложила, неважно. Она говорила, что с удовольствием придет завтра утром. И несколько раз действительно приходила, но потом переженились Хавивины сыновья, и ей уже помогали невестки. «Дождалась!» – сказала ей Хавива.

– Останься помочь мне завтра вечером, и я тебе заплачу, – попыталась уговорить ее Хавива и в этом году, может потому, что это стало уже их традицией. Но Ирена заранее знала, что захочет вернуться домой к своей Нине, побыть с ней. И вот этот день настал, а Нины нет. Кто бы поверил две недели назад, что такое случится? Именно сейчас, когда она наконец-то может дать им ту жизнь, о которой они мечтали, Нины рядом нет. «Еще пара дней, и вернется. Наверняка», – успокаивает она себя. Будет много слез и боли, но они справятся. Только бы начальница выполнила обещание и оформила ее на постоянную занятость. «А может, – оглядывая улицу, осмеливается понадеяться она, – может, Нина и вообще уже дома». Десять дней прошло, хватит! Может, уже вернулась. Уже нет терпения дожидаться этого автобуса.

С тех пор как Нина с ним познакомилась, она заговорила с Иреной так, как раньше в жизни бы не посмела. У нее самой не хватало смелости в таком тоне разговаривать с бабушкой. Хамство исключалось. «Никакой культуры», – всякий раз бормотала она, сжимая руку маленькой Нины, когда видела, как какая-то девчонка на улице или в супермаркете кричит на свою мать. Она следила за рекламами матнасов² и, если намечалось что-то интересное, первая покупала им обеим билеты, даже если дама в кассе бросала на них недоумевающий взгляд – зачем, мол, тащить маленькую девочку на спектакль для взрослых. Ирене это было без разницы, она откладывала все больше и больше денег на культурные мероприятия. Два раза они ездили в большой город, в Беэр-Шеву, чтобы послушать концерт, и один раз – на спектакль израильского русского театра «Гешер», на котором им не удалось досидеть до конца – боялись опоздать на последний автобус. Они сидели в последнем ряду, на самых дешевых местах, но это ей не мешало, а на втором концерте Ирена поговорила с билетершей, и в антракте та подозвала их и перевела в четвертый ряд. «Четвертый ряд – самый лучший, – сказала билетерша и сердито добавила: – Кто же пропускает, когда у него место в четвертом ряду? Никакой культуры». И с тех пор Ирена никогда этого не забывала. Теперь, благодаря новой работе, она заказала билеты на концерт симфонического оркестра под управлением какого-то любимого всеми израильтянина, два действительно хороших места в третьем ряду сбоку. Потому что у нее теперь новая работа. И она это заслужила. Но Нины нет. И она злится. Злится на отсутствие культуры, на то, что ее Нина разговаривает как эти сабры³ – в той же некрасивой, неуважительной манере. Хорошо, что бабушки уже нет в живых и она этого не слышит. Не видит. Ее слабое сердце бы разбилось. Ее сердце было уже надломлено после долгих лет холодов, и все, чего она хотела в последние годы своей жизни, – это солнца. Говорила, что хочет не в больницу, а только к морю. К морю. И больше всего на свете хотела апельсинов.

В ее печаль и ее гнев вдруг, без всякого предупреждения, бьет что-то еще. Как кулаком в грудь. Может, с Ниной какая беда? До сих пор она об этом не думала, не думала, что, возможно, с ней происходит что-то плохое. Нужно было помешать ей, а не трещать про гордость

---

² В Израиле так называют районный общественный центр, в основном ориентированный на детей, подростков и пожилых людей.

³ Сабра – так на израильском сленге называют каждого рожденного в Израиле еврейского ребенка. Этот термин означает распространенный в стране вид кактуса «опунция инжирная», а в переносном смысле репатрианты третьей алии 1919–1923 годов стали так называть евреев – уроженцев Израиля.

да воспитание. Какое значение имеет гордость, если ее Нина сейчас в опасности? Колеса этого поезда стучат прямо по сердцу.

Подъезжает автобус, и она прокручивает в голове тот день, то, как она сидела и слушала Нину, летящую по ступенькам на своих высоких каблучках, спускающуюся со второго этажа, на который Ирена столько раз устало карабкалась. А она только подошла к окну да глянула сквозь жалюзи, посмотрела, как ее дочка садится в машину, – тот мужик даже не вышел открыть ей дверь. «Неужели ты не понимаешь? – хотелось заорать ей. – Неужели сама не видишь, что это не любовь?» А когда Ирена наконец выкрикнула эти слова, было слишком поздно. Она никогда не узнает, помогло бы это, если бы она произнесла их раньше. Наверно, нет.

– Даночка, – говорит старушенция, берет Нину за руку, прикладывает ее к сердцу и тянет к ступенькам. Незнакомое прикосновение кажется Нине странным и неприятным, руку хочется отдернуть. «Беги отсюда, – говорит она себе. – Беги!» Но эта ночь, этот побег, и выпивка, и страх, и то, как этот придурок на нее орал, – все, что произошло и что она увидела, лишило ее последних сил. И туфель у нее тоже нет. А босиком далеко не ускачешь – и уж точно не в этом коротком вечернем платье с глубоким вырезом.

«Нарядись во что-нибудь и подкрасься», – сказал он ей перед отъездом, объяснив, что в большом городе так принято и она привыкнет.

Нина уже несколько дней не выходила из квартиры, просто сидела перед телевизором. Проклятие. Он даже и телефон у нее отобрал после того, как его дружок начал ее лапать, а она пыталась от него отбиваться. Нина хотела сказать ему, что тот сделал ей больно, но Шмуэли это не заинтересовало, ничто в ней больше его не интересовало. «Продержись неделю хорошей девочкой – и все вернешь, – сказал он. – И моих друзей больше не обижай».

Шмуэли часто являлся в квартиру со своими друзьями без всякого предупреждения. Они вдруг возникали всей толпой то утром, то вечером – посмотреть футбол, поиграть в карты. «Кончай с этими шмотками!» – как-то сказал он, швырнув ей короткое платье, и с тех пор, когда бы он ни зашел, всегда спрашивал: «Почему на тебе не то платье, которое я принес?» И каждый вечер она стирала его и вывешивала посушить и, кроме этого, никогда его не снимала. В нем она ела, убирала и ждала, не зная, когда они приедут, в этом платье варила им кофе, раскладывала по тарелкам закуски, которые он принес, и едва могла наклониться, настолько оно было короткое. «Ну и что такого, детка, так им легче тебя рассмотреть!» – говорил он, и они хохотали. А потом Шмуэли посадил ее к себе на колени, и Нина ощутила его эрекцию. Он закрыл глаза, и все вокруг глазели, а он запыхтел, как паровоз. Ей хотелось умереть от стыда, когда он унес ее в спальню и она услышала их хохот. А потом Шмуэли оставил ее там и после крикнул, чтобы выходила, потому что они хотят кофе, и, когда его друзья собрались уходить, он обратился к ней и сказал: «Ты начинаешь хорошо себя вести, такой я тебя люблю», а она ответила, что его любви больше не чувствует, и он шепотом спросил: «Почему, детка?», а она ответила: «Да потому!», и он отвел ее в спальню и крикнул друзьям, чтобы двигались, он через минуту догонит. Он закрыл дверь, обнял ее и сказал: «Как ты можешь такое говорить? Я никогда никого не любил так, как тебя».

Она сказала ему, что все это время безвылазно сидит в квартире.

«Хочешь пойти с нами?» – спросил он.

«Да», – сказала она.

И по сей день об этом сожалеет. Это было ее самой большой ошибкой.

«Подмалюйся еще немножко», – сказал Шмуэли. И она не стала перечить. «И не делай глупостей, – прошептал он, – а то еще долго никуда не выберешься».

Старушенция, слава богу, больше не включает яркий свет на лестнице, лишь сияющие лучи утреннего солнца проникают внутрь и теряются в густых, спутанных седых волосах.

– Почему же мне не сказали, что ты приезжаешь, Дана? – Голос мягкий, приятный. – Я ведь так долго тебя ждала!

Нина знает, что должна что-то ответить. Лучше бы взять да сбежать, но усталость берет верх, и она просто стоит, зная, что сейчас ее непременно спросят, почему она босая. Но старушенция ни о чем не спрашивает, только гладит костлявыми пальцами Нинины руки и продолжает бормотать: «Как хорошо, что Дана с нами, Дана здесь, какая радость». Старушка начинает подниматься по ступенькам, а Нина следует за ней. Медленно. Медленнее не бывает. Старушка идет от двери к двери, всматривается, ищет что-то знакомое. Потом еще этаж, и у Нины ощущение, что эти поиски никогда не кончатся, но вот перед ними открытая дверь. Второй этаж, квартира номер пять. Бен-Цион. «Запомни, – говорит себе Нина. – Вызубри».

– Ты устала? – спрашивает с улыбкой эта замечательная старушка, не обращая внимания на то, что она боса и одета в короткое, рваное мини-платье в блестках.

– Ужасно, – говорит Нина, пока они идут по маленькой, забитой мебелью и захламленной квартирке, в которой царит кислый запах плесени и запущенности и которая так и просит открыть окно.

– Вот твоя комнатка, она ждет тебя, моя зайныка, – говорит старушка, праздничным жестом открывая дверь ванной, потом смеется и открывает вторую дверь, и мягкий свет заливают сказочную розовую комнату. Кажется, в ней есть все, что могла бы только вообразить маленькая девочка: ангелочки, куклы, занавески с паттерном в виде крошечных фей и даже обои со сверкающими звездами.

– Я сюда ни ногой, – говорит старушка, – с тех пор как вы уехали, я сюда ни ногой. Вот твоя пижамка, – говорит она, доставая из шкафа детские вещицы, и, подойдя ближе, обнимает Нину. – Я так долго тебя ждала! Так долго! Я знала, что ты ко мне вернешься. Знала, что ты меня не забудешь.

Старушка размыкает объятия и смотрит на нее, смотрит ей в глаза, и на мгновение выражение ее лица как-то меняется. Нина опускает голову, ждет испуганного возгласа, а старушка глядит на нее чуть по-другому, не так ласково, но потом улыбка возвращается, и она тепло спрашивает:

– Хочешь принять душ? Вижу, перелет у тебя был тяжелый. Иди, прими душ.

Нина идет в ванную и запирает за собой дверь, радуясь возможности хоть немного побыть одной и попробовать подумать, что делать дальше. Все так странно. Сквозь закрытую дверь она слышит, как на кухне старушка готовит кофе под басистый, завлекающий голос радиовещателя. Тихие песни облегчают переход от ночи к утру.

В душевой Нина открывает теплую воду и потом смотрится в зеркало. Она откидывает волосы назад и рассматривает свою опухшую левую щеку; на лбу у нее черно-синяя отметина. Макияж поплыл, на лице – следы потекшей от слез черной туши, а из порванного платья торчит розовый лифчик. Она не понимает, как это старушка словом не обмолвилась, вообще не отреагировала на тот жуткий кошмар, что у нее на лице. Может, именно поэтому на долю секунды в выражении ее лица появилось какое-то отчуждение и испуг. И кто такая, блин, эта самая Дана, которая, видимо, должна приехать?

Нина знает, что сейчас не время анализировать поведение этой странной старухи, ей выпала пара благих часов, и их нужно использовать на то, чтобы немного поспать в этом укрытии. Самое худшее сейчас – бродить по улицам. Она не знает наверняка, ищет он ее или нет. Он или его свора. Ей надо использовать это время для сна, чтобы восстановить силы. Нина едва держится на ногах. Она помнит, как в страхе бежала прошлой ночью и искала любой незапертый вход, чтобы исчезнуть. Она металась от одного здания к другому – все были заперты.

И вдруг повезло: этот дом оказался открыт, и в нем – странная старушка, которая в пять, может шесть, утра бродит по лестнице, будто на дворе день. Выбрасывает мусор, подбирает газету... и ее – человеческое отребье – тоже подбирает, ведет к себе в квартиру. Большинство людей в лучшем случае отвернулись бы и пошли дальше, а в худшем – выгнали бы метлой или вызвали полицию. Но эта старушенция глядит на нее, игнорируя синяки на ее лице, отводит Нину в розовую комнату и называет Даночкой. Будто они знакомы.

У Нины много вопросов, но они подождут. Сейчас ей просто нужно принять горячий душ и поспать. Она начинает стаскивать с себя платье – и в нос сразу ударяет отвратительная смесь запахов: сигаретный дым, въевшийся в волосы; резкий афтершейв, смешанный с тяжелым запахом мужского пота; и приторные духи, которыми она тогда щедро побрызгалась в той квартире, тщетно пытаясь заглушить запах собственного страха.

От воспоминаний о том жутком вечере ее чуть не вырвало.

«Идиотка, вот кто я такая», – подумала она и, как в приступе безумия, сорвала с себя ошметки этого платья и включила горячую воду. Зеркало тут же затуманилось от пара, помешав ей на себя смотреть. На себя избитую, измазанную, жалкую.

Вода смыла с ее тела ту ночь – и ночи до нее, и те две недели, что вскружили ей голову, взбаламутили, вырвали из дома, оторвали от мамы, от всего знакомого, а потом швырнули на порог этой старухи – то ли приятной, то ли не очень, – в душную тель-авивскую квартиренку, забитую всевозможными записками. Кучей записок: больших и маленьких, приклеенных, приколотых булавками, разбросанных повсюду.

Завтра она их прочтет. После того, как малость поспит. Интересно, что на них? Утешительная вода окутывает ее, как теплое и большое одеяло. Щека от соприкосновения с водой болит, но остальное тело ей благодарно. Нина заворачивается в мягкое полотенце и идет в другую комнату, подходит к шкафу, а там – стопки розовых зимних и летних пижам с сердечками и мишками, в полоску и с цветочками, разных размеров, на всех еще сохранившиеся ценники, и все для нее слишком малы. Этакая дикая лавчонка, торгующая пижамками для маленьких девочек.

Она втискивается в одежду, сшитую, вероятно, для девчонки лет двенадцати, но мягкая ткань хорошо растягивается и приятна на ощупь, да и ничего другого у нее нет. Нина присаживается на край мягкой кровати, когда слышит стук в дверь и старушенция с другой стороны нерешительно спрашивает:

– Все в порядке, Дана?

Нина молчит, она так устала и растеряна. Только бы старушенция сейчас ее не прогнала, только бы не это, она хочет одного: положить голову на подушку и забраться под одеяло, дать немного отдыха своему ноющему телу, тогда, может, она поймет, что делать дальше. Она готова заплакать. Вот опять.

– Are you okay?⁴ – спрашивает старушка.

– Да, – отвечает Нина.

– Что?

– I'm okay⁵.

«Наверное, стоит чуток подыграть», – думает она. Ей нужно хвататься за любой спасательный круг, за все, что поможет продержаться здесь еще хотя бы день или два, пока отек не спадет и лицо не станет нормальным.

– Чудесно, – говорит старушенция.

---

⁴ Ты в порядке? (англ.)

⁵ Я в порядке (англ.).

Нина протягивает руку и выключает свет, темнота вернее. Безопаснее. Она ложится в постель, ощущение одеяла, которым она укутана, такое приятное, а мягкий матрас будто притягивает ее к себе. Ей спокойно и даже уютно.

– Спокойной ночи, – говорит ей старушка, которая вместе с ней подошла к кровати. – Good night!⁶

– Good night! – отвечает Нина и чувствует, как на ее плечо легли старушечьи руки. Вообще-то она не любит, когда ее трогают, она не из тех девчонок, которым нравится держаться за руки, хихикать и обжиматься, но что-то в этом прикосновении напоминает ей ее бабушку, по которой она так скучает, бабушку, которая даже не успела хоть чуть-чуть выучить иврит. И вот сейчас она, чистенькая, лежит в сумеречной комнате, в которую сквозь ставни и приоткрытую дверь грозит пробиться солнечный свет, лежит в постели с чистыми белыми простынями, и две незнакомые руки держат ее с бабушкиным теплом и любовью, и после моря одиночества, в котором она чуть не утонула за эти две бурные недели, ей вдруг на мгновение до боли хочется, чтобы ее обняли. И хотя ей не хочется плакать, слезы стекают и тут же впитываются в подушку.

И Нина засыпает.

Кармела выходит из комнаты и закрывает за собой дверь, внутри просыпаются почти забытые чувства. Она так долго ждала этого приезда, а у Итамара всякий раз возникала очередная отговорка. Сначала из-за того, что Дана слишком мала и перелет чересчур тяжел, а потом она стала слишком взрослая и в школе важные экзамены, а в середине учебного года, когда он приезжает на поминальную службу, ей нельзя пропускать занятия, а в каникулы она едет с подружками в летний лагерь и у него на работе полный аврал, и каждый раз надежда на то, что она все-таки с ним приедет, рушится безнадежно. В те дни, когда все еще было ясно и понятно, она признавалась себе, что не знает, чего ждать раньше: приезда ли Даны или того, что ей уже станет все равно. «Итамарик, милый, – сказала она ему во время их последнего разговора, – если она не приедет с тобой, так, может, сумеет приехать летом одна. Я за все заплачу. Не волнуйся».

«Попросить Итамара, чтобы позволил Дана самостоятельно приехать!!!» – было написано на нескольких разбросанных по всему дому записках. Записках, которые валялись почти повсюду, особенно возле телефона, а также рядом с выключенным компьютером и возле ее кровати.

Когда она сказала это в первый раз, он разозлился на то, что она говорит о деньгах.

«Мама, – сказал он ей, – не в деньгах дело».

«Но я откладывала, – объяснила она, – и Ицик тоже откладывал, деньги есть. С этим все в порядке».

Итамар вспомнил, как его в детстве мучил страх перед этим днем, пятнадцатым числом каждого месяца, когда родители, Ицик и Кармела, начинали нервничать. По вечерам Ицик выводил линейкой столбцы на листе бумаги и сидел со счетами, квитанциями и корешками чеков и стучал по клавишам калькулятора. И какая напряженная тишина стояла в доме – ни телевизора, ни радио. И как она хранила молчание, просто сидела и ждала окончательного решения, итогов подсчета, узнать, удачным ли выдался месяц или нет. И сколько налогов с продаж придется заплатить. И предстоит ли им экономить или праздновать. Ицик внезапно кричал: «Кармела!», и уже по тону его голоса она знала. И он, Итамар, еще будучи ребенком, тоже знал. И уже тогда он сказал себе, что обязан добиться успеха. Обязан. Не сидеть каждый месяц с этой тревогой в душе.

«Этим летом мне, да и всем нам, будет сложно приехать на каникулы», – сказал он своей матери в том году, а потом и в следующем. В том году он объяснил, что это последние дни

---

⁶ Спокойной ночи! (англ.)

перед слиянием, а в следующем году – что слияние в процессе и он должен присутствовать для передачи всех оперативных данных, и он говорил и растолковывал всякие слова по поводу продукции и управления, того, чего Кармела не понимала, и он знал, что она не понимает, и чем дольше она молчала, тем дольше он говорил и говорил, и она чувствовала, как из нее выходит воздух.

Кармела целый год ждала лета, все остальные ненужные месяцы ее жизни незаметно улетали и убегали в ожидании того, что они приедут ее навестить. И снова они разочаровали ее, и в этом году тоже. Он и его жена-кибуцница, чей диктат над Итамаром Кармеле с самого начала не нравился. Она ему это и сказала, когда они с Наамой поссорились и расстались почти на две недели, и он пытался взять себя в руки, но в конце концов сдался и поехал к ней в кибуц с цветами и кольцом, которое они с Ициком купили за кучу денег у Караши. Когда Кармела услышала про это кольцо, она обеспокоенно спросила Ицика, что случится, если Наама откажет, что они будут делать с таким дорогушим кольцом, и Ицик рассмеялся и сказал, что ради гарантии чек он Караши выдал, но они договорились, что вкладывать его не будет и, только если все получится, Ицик принесет ему наличные и получит скидку. Ей не нравилось, что Ицик всегда пытался немножко подловить с подходящим налогом. Там сто шекелей, которые он не пробил на кассовом аппарате, здесь скидка при оплате наличными. Она столько ночей не спала из-за этих его дурацких выходок. Боялась, что уличат. И они всякий раз из-за этого ссорились. А тут пожалуйста, даже и великий Караши такое выделяет.

Но это было так давно. И тогда она решила принять Нааму как можно лучше, как дочь, которой у нее не было. Потом это уже не имело значения, потому что они родили на свет Дану. Малышка Дана, это маленькое чудо, это создание, которое наполнило ее сердце светом, с первой минуты, как родилась и сделала ее бабушкой, так ее пленила, что это удивило ее саму. Возникла связь, о которой она никогда не мечтала. То же случилось и с Ициком.

В то время они жили неподалеку, и Кармела была счастлива приходить каждый день – помогать, быть рядом, когда кибуцница не справлялась и в отчаянии протягивала ей этот орущий субъект, а в руках Кармелы этот субъект успокаивался, улыбался, становился ее Даной. Которая утихала и засыпала. С мальчиками такого наслаждения, такого умиротворения она никогда не испытывала, думалось ей. Она и сама в свое время была матерью беспокойной и тревожной. И рядом с ней тоже не было матери, что могла бы помочь. Теперь все было по-другому. Она была умиротворенной, все шло как от Бога. Или, может, это было из-за Даны, которая оказалась самым милым существом, какое она когда-либо видела, а это потому, что на сей раз она бабушка, а не мать.

И тут Итамар сказал, что они ненадолго уедут. Это случилось после того, как в газете появилась его фотография с друзьями и Ицик рассмеялся и сказал: «Кто бы мог подумать, что эти гопники и правда на такое способны!» Ибо кто бы поверил, что пацаны в шортах-бермудах и вьетнамках продают свою компанию этой крупной корпорации с латинскими инициалами вместо названия.

Итамар объяснил, что он там проведет инструктаж касаясь проекта и выпускаемой продукции и что это также прекрасная, великолепная возможность, от которой стыдно отказаться. Немного Америки не повредит. «Еще один тренаж, максимум на год, чтобы изучить и познать», – сказал он, сидя напротив Кармелы и Ицика, и объяснил им, что за границей не учился, а сегодня, если ты хочешь добиться успеха в мире высоких технологий, тебе нужен опыт работы в крупной международной компании, предпочтительно в Америке, и другой такой возможности у него не будет. Нечасто получаешь подобное предложение вместе с разрешением на работу. И Дана еще маленькая, а Наама не нашла работу, так почему бы и нет?

Они смотрели на него грустными глазами, а он старался этого не замечать. «Всего год», – все повторял он. И тогда он и правда верил, что это всего лишь на год. Хотя знал, что переезжать всего на год – безумие, отказаться был не готов. Итамару было любопытно посмотреть,

как все устроено в большом мире, проверить, как он будет держаться на поле для крупных игроков.

Сначала планировалось, что он поедет один на несколько месяцев. «Это ненадолго, – сказал он Нааме в разговоре, который обдумывал целую неделю. – Буду навещать тебя каждый месяц». Она посмотрела на него как на чокнутого. В офисе, когда они обсуждали это с партнерами, все звучало логично, а сейчас, когда он разговаривал с ней, а Дана, сидя на коврике, играла со своим кукольным домиком, это и правда казалось не очень. И глупо. «Какого черта тебе ехать одному?» – спросила Наама по-английски, чтобы Дана не поняла. С чего бы ей оставаться здесь с дочкой – она тоже поедет, даже если билет придется оплатить из собственного кармана. Слова, впрочем, пустые: банковский счет у них был общий. Он-то знал – дело не только в этом. Ее бизнес рушился, и это стало удобным поводом все закончить. Постепенно он понял: она всегда ищет причину двинуться дальше. К чему-то новому, к кому-то другому. Поговорит, порассуждает, помечтает, но в жизнь ничего толком не воплотит. Наама сказала, что вернется к разработке интернет-сайтов, чем можно заниматься в любой точке мира.

На следующий день он сказал своим партнерам, что Наама и дочка едут с ним. Они удивились и попытались объяснить ему, что компания сейчас не может оплачивать содержание семьи, что неясно, состоится ли сделка на самом деле, и это слишком серьезные расходы. А больше всех разозлился Ханох. Он тоже хотел поехать, но свою кандидатуру не выдвинул, потому что дети маленькие и к тому же ясно, что отправляют только одного человека. Не всю семью. Итамар, конечно, подходил больше всех: у него превосходный английский и он умеет разговаривать с людьми, а Ханох – простой технарь. Но сейчас он злился на себя за то, что этот случай упустил.

Итамар заметил, что они занервничали, и спокойно сказал, что не стоит волноваться: билет для Наамы он оплатит сам. Он уверен – все устроится. Американская компания их примет, возьмет к себе, и все расходы окупятся. Он не позволит упустить такой шанс. «Мы над этими грошами потом посмеемся», – сказал он им.

И они начали собирать вещи. Не как пара ребят, отправляющихся в путешествие после армии, а как те, что переезжают навсегда, даже арендовали кладовку для своих вещей, пусть Кармела и предложила оставить все у нее.

Маленькая Дана бродила между ящиками и повторяла слово «Америка», и Кармела сказала: «Может, останешься со мной?», и Дана засмеялась, милая Дана с этими ее круглыми щечками и волосками, которые падают на глаза, и Кармела вся растаяла от того, как она откинула их жестом маленькой леди, будто кто-то научил ее этим женским хитростям. Она вспомнила документальный фильм с Симоной де Бовуар, которая сказала, что женщиной не рождаются, женщиной становятся, а вот эта малышка еще какой женщиной родилась, да и стала ею слишком быстро. Возможно, эта де Бовуар права.

«Кого ты больше всех любишь?» – спрашивала она у нее, и Дана подходила и сворачивалась клубочком в ее объятиях. «Ай лав бабу-у-улю». Кармела обнимала ее, не в силах поверить, что это происходит с ней, что они уезжают. Что у нее отбирают таблетку счастья. Она умоляла Ицика попросить его, попросить Итамара остаться, потому что без них она не выживет. И Ицик удивился, почему именно его она об этом просит. Ведь все эти годы тот был ее ребенком, ее Итамариком, которого она баловала. Он всегда говорил ей, что она слишком его балует. И вот вам результат. Он хотел ей это сказать, но знал, что это ее сломает. И потому промолчал.

– Ты Итамару никогда не указываешь, что делать, – сказала она. – Поэтому, если скажешь ты, они поймут, что это не годится. Поймут, что так не поступают и не бросают двух стариков на произвол судьбы.

Ицик сказал ей, что дети живут не ради своих родителей, это так не работает. У детей своя жизнь, и они должны делать то, что нужно им.

– Они уезжают всего на год, – сказал он. – И ты же не хочешь, чтобы Итамар потом попрекал тебя за то, что ты не поддержала его всей душой. Разве это не было бы обидно? – спросил он и обнял ее. – Ты дала ему все, так не останавливай его сейчас. Позволь ему сделать то, что ему хочется. Думай только о нем.

У Кармелы свело все тело, а он медленно гладил ее, пока она не расслабилась. Но в сердце сидела мучительная тоска, которая ее душила.

– И разве не жаль, что эта девчушка будет не со мной? – спросила она его.

Как долго она ждала девчушку! Все эти выкидыши, что были до Ури, а потом между Ури и Итамаром, и каждый раз она надеялась, что на сей раз родится доченька. Что у нее будет своя доченька. Что она будет шить для нее наряды и будет ей подругой.

– У тебя все еще есть я, о котором нужно заботиться, – сказал Ицик, улыбаясь своей широкой улыбкой. Тогда он еще не знал, что скоро уже будет не до смеха и что с того дня ему так редко будет выпадать шанс посмеяться.

Итамар, Наама и Дана уехали, и на дом опустилась тягостная тишина. Особенно заметна она была во время пятничных ужинов, когда они сидели одни и шумели только ножи да вилки.

С тех пор на серванте стояли две фотографии. Ури в военной форме и Итамара с Наамой и Даной в Америке. Потом Итамар подарил ей фотографию их всех, с обрезания Ариэля. Так что теперь их было три.

«А обо мне? Кто подумает обо мне?» – хотелось ей тогда сказать Ицику, а позже она пробормотала то же самое той ночью, когда он так и не проснулся. Ицика у нее больше не было, и она гладила его безжизненную руку. Итамар позвонил сообщить, что он в пути, и к тому времени, как он приехал, уже назначили дату похорон, никто не знал, кто эту дату назначил, но были указаны время и место, а также было уведомление о смерти. К счастью, Итамар прибыл вовремя. И, стоя у свежей могилы, Кармела хотела спросить Ицика: «А как насчет того, что хорошо для меня?» И потом она выкрикивала эти слова из ночи в ночь. В одиночестве. Может быть, беззвучно, но так, что разбивалось сердце. «А как насчет того, что хорошо для меня?»

– Жаль, что вы арендовали кладовку. Нет, серьезно. Это абсолютно нормально – оставить коробки у нас, – сказала ему тогда Кармела, стоя среди их упакованных вещей. – Поезжайте, посмотрите, что это за место, и если оно действительно стоящее, так мы вам перешлем или сами приедете забрать. Сперва проверьте.

Он, ее милый Итамар, взглянул на нее своими медвяными глазами, перестал паковать вещи и сказал Дане: «Гоу ту мама», потому что они начали приучать ее к английскому, и, сев рядом с матерью, взял ее за руку, посмотрел на ее красивое лицо и в глаза, которые всю жизнь следили за ним, куда бы он ни пошел. Итамар столько раз чувствовал на себе этот взгляд, знал, что она рядом. Когда он целовался на скамейке, когда забивал гол, она была там, за забором, смотрела на него из окна квартиры, она, его мама. Однажды Дорон из восьмого класса над ним посмеялся, посмеялся над ней, когда увидел ее за кустом, и Итамар избил его до полусмерти. В кабинете директора его спросили, что случилось. «Такой хороший мальчик, никогда никого пальцем не тронул, что же Дорон тебе сделал? Что?» Его спрашивали и учитель, и директор, и родители, но он не ответил. Не открыл рта.

«У меня единственный ребенок!» – услышал он тогда ее плач и теперь помнил, как не понимал, что на самом деле это значит, думал только о том, как здорово, что это случилось после его бар-мицвы, а то они бы точно ее отменили. Потом он уже понял и всегда испытывал чувство вины за то, что думал про свою бар-мицву.

И с тех пор эти дни между Песахом и Днем памяти стали в их доме порой траура. Казалось, что от повисшего в воздухе напряжения в оглушительной тишине этой квартиры все стаканы вот-вот разлетятся вдребезги. И он уходил в себя, уже не в состоянии выпить их боль,

не в силах снова выслушивать слова: «Будь сильным ради них», которые люди произносили во время шивы⁷ и снова и снова повторяли в каждую годовщину смерти, – ведь ему едва удавалось быть сильным для себя самого. «Единственный ребенок!» – плакала она Ицику каждый раз, когда Итамар ее беспокоил, слишком поздно возвращался домой или уехал на свой первый призыв в армию. Плакала и говорила: «А если с ним что-то случится? Если с ним что-то случится, я умру, клянусь тебе, тут же умру».

– Послушай, мам, – сказал он, обнимая ее и успокаивая. – Мы уезжаем максимум на год и вернемся. Вся моя жизнь здесь: ты, и папа, и наш бизнес, который навсегда останется здесь. Крайне важно, чтобы эта сделка прошла без сучка и задоринки. Ты знаешь, что я люблю тебя больше всех на свете, но это я обязан проверить сам.

Точно как когда-то ему приспичило служить на военной базе, что далеко от дома. Раз на боевые части она разрешения не дала, он выбрал нечто очень пыльное и сильно удаленное. Он приходил домой раз в две недели, грязный и обожженный солнцем, почти ничего не рассказывал, обнимал свою худенькую маму, подбрасывал ее в воздух и поедал все, что она для него наготовила. А иногда приходили его друзья, и они тоже ели и смеялись, и дальше он где-то шлялся, а потом спал до полудня.

– Мама, – говорил он на том конце провода, когда она молчала, – ты здесь?

– Да, – отвечала она. Она всегда здесь, рядом. Всегда. На том конце провода, ожидающая, присутствующая, тихая. Она была рядом, когда Итамар сообщил ей, что они решили продлить свое пребывание в Америке. Она была рядом, когда шива закончилась и он поспешил обратно в Америку. Она была рядом, когда сын сказал, что этим летом ему нужно поработать и потому в этом году они не приедут, но ведь ничего страшного, правда? Потому что он был с ней совсем недавно, в День памяти. «Но это было без Даны», – сказала Кармела, и он ответил, что как-нибудь в этом году ее привезет. И она была рядом, когда он пообещал, что они приедут в следующем году. Она столько раз говорила себе, что, наверно, должна была на него накричать и сказать: «Нет!», но не кричала. Может, стоило не отвечать на телефонные звонки. Но Кармела отвечала. И снова говорила, что все нормально. Снова и снова молчала и была рядом. А теперь у нее в голове все смешалось, и она не знает, сколько лет прошло в молчании, но точно знает, что в прошлый День памяти он не приехал.

И теперь Итамар снова сказал, что в этот раз они не приедут.

Она достает из кармана чистый листок бумаги и пишет на нем: «Дана приехала!» И потом выбрасывает этот листок в мусорное ведро.

---

⁷ Шива у иудеев – семь дней со дня погребения. Согласно Устному Закону, во время шивы скорбящим (прямым родственникам: детям, родителям) нельзя выходить из дома. Друзья, соседи и проч. навещают их, выражая свои соболезнования.

2

Ирена останавливается перед полицейским участком, делает глубокий вдох, собирается с силами и поднимается по ступеням – на этот шаг, как ей всю дорогу казалось, она никогда бы не решилась. Держится за перила, чтобы не упасть. Она весь день прокручивала эту сцену в голове, думала, что сказать, как объяснить, почему она нервничает. Ирена им скажет, что с тех пор, как дочка ушла, прошло десять дней, что ее телефон уже четыре дня как отключен и она знает, что та сообщений не читала, потому что там нет этих синих птичек. Она проверяла каждые несколько минут и сейчас вот тоже проверила, за минуту до того, как войти. Может быть, глупо обращаться в полицию. Наступает седер, и, может, Нина вернется, потому что с кем ей провести седер? С его женой и детьми? Она обязательно вернется домой.

В ее сумке лежит письмо, которое утром ждало в почтовом ящике. Официальное письмо ее Нине с армейским логотипом. Наверняка повестка о призыве в армию. Нине так хотелось знать, куда ее направят. «Только недалеко от меня!» – попросила ее Ирена перед тем, как та отправилась на первое собеседование перед призывом, и Нина обняла ее и сказала: «Я хочу служить по-настоящему. И где бы я ни была, я всегда буду с тобой. Всегда». Ирена знала, что девушки, служащие здесь в армии, носят оружие и дислоцируются на границе, и боялась за свою Нину. А сейчас она вспоминает эти слова, ту связь, которая была между ними, и думает, как же все изменилось за этот год, с тех пор как она повзрослела и начала следить за тем, что ест, и ее щеки больше не походили на два пончика, и вместе с детским жирком исчезло и то восхищение, с которым она всегда смотрела на Ирену.

Теперь это была другая Нина.

Много времени прошло с тех пор, как она в последний раз пришла к ней ночью, чтобы вместе поваляться в большой кровати... да, по сути, она вообще уже почти к ней не прикасалась. Ее новые подруги при виде Ирены замолкали и старались избегать встречаться с ней глазами. И Нина начала спрашивать, почему она не устроилась на какую-то более престижную работу. И вроде пора уже. «Ты прикончила себе спину, ты способна на гораздо большее, тебе нужно подумать о будущем».

«У меня нет образования», – сказала ей Ирена. «Но я вырастила тебя, и скажи, тебе чего-то не хватает? Есть что-то, чего я тебе недодала?» – улыбнувшись, спросила она, стараясь все обратить в шутку, но Нина не рассмеялась. Это ей больше не казалось ни милым, ни забавным, ее тошнило от чувства вины, которое ложилось на ее худенькие плечи, от того, что каждый раз, произнося эти слова, мать всю ответственность возлагала на нее. Нина не просила, чтобы ее родили, не строила планов на то, что из-за нее жизнь матери разрушится, и эта жертва ее душила. Как она сможет за такое расплатиться? Никак. Нина почти не говорила на иврите. Она, мамина дочка, которая изъяснялась только по-русски, что бы ей ни говорили, отказывалась переходить на иврит, и воспитательница детского сада сказала Ирене, что так больше продолжаться не может. Ирена ответила ей, чтобы не волновалась, Ниночка все понимает. Потому что даже когда Нина делала вид, что стесняется, Ирена знала: это из-за преданности ей и бабушке, которая оставалась с ней в те долгие часы, когда мама на работе. Когда бабушка попала в больницу, там все говорили по-русски, что Нине было странно, и Ирена сказала ей, что она, когда говорит, должна быть осторожна, потому что русский здесь понимают все. И она с удовольствием разговаривала по-русски с незнакомыми людьми, а медсестры баловали ее и улыбались, хотя выражение их глаз было суровым. Но бабушка домой так и не вернулась. Нина уже училась в первом классе и не только начала говорить на иврите, но и переводила Ирене, когда продавец овощей и фруктов или какая-то чиновница говорили что-то, чего та не понимала. Когда она стала старше, то помогала матери писать и заполнять бланки. У мамы был такой красивый почерк на русском, а на иврите – как будто кто-то чиркал ножом по стене.

Однажды в парке рядом с их домом Нина увидела наклеенное на дерево объявление о вакансии помощницы воспитательницы детского сада. Она отнесла это объявление Ирене, та сказала, что предлагают мало денег, а Нина ответила, что теперь их только двое, на бабушку тратиться не нужно, так что им много и не надо. Ирена грустно улыбнулась, ей было больно, что Нине вообще приходится беспокоиться о деньгах, больно оттого, что она в своем возрасте уже понимает, что такое деньги и насколько они важны. Ей так хотелось подарить дочери беззаботную жизнь, что она вкалывала как могла, лишь бы чуть-чуть отложить. Но время от времени Нина находила очередное объявление о курсах и говорила: «Так ты сможешь продвинуться», потому что со временем Нине стало тяжело смотреть на то, как ее гордая мама, некогда такая высокая и стройная, вся ссутулилась. Ей стало тяжело смотреть на то, как усталость и боли в мышцах сгибают ее. И потом в какой-то момент это настолько ее взвинтило, что она даже перестала предлагать Ирене массаж, который с малых лет делала ей по вечерам пятницы, и Ирена смеялась, посмотрите, мол, у Ниночки уже есть профессия массажистки, а Нина сердилась: «Я собираюсь стать менеджером». И Ирена отвечала без улыбки, очень серьезно: «И будешь. Наверняка! Ты станешь кем захочешь».

Но с тех пор мысль о работе в детском саду никогда Ирену не покидала. И примерно год назад, скопив небольшую сумму, она начала работать в детском саду в новом районе. Этого не хватало, поэтому еще три раза в неделю она вкалывала после обеда: дважды на Хавиву и один раз на другую семью по соседству. И в эти дни приходила домой совершенно разбитая, ноги ее не держали от усталости. В другие дни она возвращалась домой рано, и они с Ниной были вместе. И это стоило всего. Постепенно она начала работать в садике сверхурочно – и в смены, и в промежутках между праздниками, заменяя всех, кто об этом просил, – и зарплата немного подросла, и, после того как Ирена проверила в банке, все ли в порядке, она даже осмелилась поверить, что недалек тот день, когда вместо того чтобы выбрасывать деньги на ежемесячную аренду, она сможет купить небольшую квартиру. Но в последние несколько месяцев Нина почти не бывала дома. Иногда даже не возвращалась из школы. Заведующая садиком предложила Ирене прослушать курс «ТАМАТ», проводимый Министерством труда. Курс по подготовке специалистов по уходу за детьми. Первый уровень. Два раза в неделю. Восемьсот часов. Жуть, восемьсот! Но зато она сможет сидеть, давая отдых ногам, так что все не так уж и плохо. Единственное, что пугало, – это экзамены, из-за письменной части. Заведующая Шоши сказала: бояться не надо, все будет в порядке, на этих экзаменах писать не нужно, надо просто отмечать правильные ответы. И она позаботится, чтобы с языком ей помогли, и она точно справится. Ирена так растрогалась из-за того, как Шоши о ней заботится, что не спросила ее, что такое специалист по уходу за детьми первого уровня. Планировала вечером спросить Нину, но та снова не явилась домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.